

[П/П: название главы отсылает к сказке «Золушка».]

Пепел — он как снег.

Шин шел через временный ангар, на ходу надевая перчатки, когда на весь объект прогремел голос диспетчера из Ноирянарусе. Говорил он со странным акцентом; из-за интонации каждая фраза звучала как молитва.

В ангаре выстроились Регинлейвы. Все они принадлежали 1-й бронетанковой дивизии, или передовому батальону — такое название она получила на предстоящую операцию. Ряды несколько поредели по сравнению с тем, сколько их было с создания ударной группы, а пробелы заполнили Штолленвурм и Алконосты.

Персональную метку Смеющегося лиса нигде не было видно.

«...Сео.»

В голову Шина пришла мысль, что, быть может, прямо сейчас товарища перевозят в госпиталь Союза. Но он сразу качнул головой. На носу новая операция. Отвлекаться некогда.

Одной из характерных черт военных сооружений Святой теократии была полная изоляция от окружающей среды. Комбинация из внешних стен и особых прозрачных ставней во временном ангаре обеспечивала герметичность. Воздух фильтровался и проникал через вентиляцию.

Может, именно поэтому здесь не витал привычный запах пыли или горелого металла. Вместо них царила атмосфера непорочности и чистоты религиозного места. Ангар совсем не производил впечатление военного объекта. Стены, пол и потолок были сделаны из жемчужно-серых материалов, от чего блестели.

Посреди этой сцены, напротив ряда Регинлейвов, стояла огромная черная тень. Громадный силуэт практически упирался в потолок. Обшивка цвета оружейного металла отдавала оттенком ночи, что манила все живое в свой вечный покой.

Яростная армия. Дикая охота.

□

— Давайте тогда пройдемся по операции, полковник Владилена Миризе.

В сравнении со строгой эстетикой армии Союза, штаб 3-го армейского корпуса Святой теократии Ноирянарусе, Шига Тура, выглядел как языческое святилище.

Всю длину и ширину купола на потолке из матового стекла украшали серебряные жилки вроде лиственных. Полированные, точно зеркала, пол и стены выкрашены в жемчужно-серый цвет, светящийся подобно дробленной радуге.

На внутренней стороне стеклянной полусферы — специально подобранные голографические экраны, на которых выводились различные кадры. Изображения сенсорной панели управления проецировалось прямо в воздух. За ними стояли солдаты в капюшонах. Вместе с формой жемчужно-серого цвета, они походили на монахов.

На голографическом экране на передней половине полусферы показывалась карта операции. Со словами командира 3-го армейского корпуса начало мерцать место в северном квадрате, лежащем на территории Легиона.

— Наша цель лежит в пустом секторе. Мы уничтожим новый тип Легиона, расположившийся в семидесяти километрах от передовой — Наступательно-производственная Кукушка-Джирьял. Принимать участие будут мой 3-й армейский корпус, Шига Тура, и 2-й армейский корпус, И-Тафака. Сопровождать нас будет экспедиционная бригада Союза, 1-я бронетанковая дивизия ударной группы, и Свободный полк Мирмиколеон.

Голос с нотками непонятной мягкой торжественности отдавал шуршанием несметных осколков стекла. Звенел, подобно множеству золотых колокольчиков. Резонировал, точно нежное постукивание капель дождя о глину. Лена невольно взглянула на обладательницу голоса... Прошло уже две недели с развертывания 1-й бронетанковой дивизии в Святой теократии, но она все никак не могла привыкнуть к командиру корпуса.

Почувствовав на себе взгляд Лены, миниатюрная девушка с утонченными чертами и волосами золотого, как луч солнца, цвета хихикнула.

— Кажется, командиры западных стран уже более-менее свыклись со мной, хотя я еще помню те ошарашенные взгляды при первом знакомстве. Приятный сюрприз выходит, когда видишь кого-то искренне шокированным.

Девушка была вторым святым генералом, а звали ее Химмельнод* Резе.

[П/П: с датского прямой перевод — «Небесная благодать».]

Она числилась командиром 3-го армейского корпуса Святой теократии, с которым Лене и ударной группе предстояло объединиться на время экспедиции.

И да, командир корпуса.

Определение армейского «корпуса» различалось в зависимости от страны, но в основном это формирование из нескольких дивизий и сотней тысяч солдат. Грета командовала бригадой и

полком — в сумме это меньше чем дивизия, но для женщины, которой всего лишь за двадцать, получить подобные полномочия сродни исключению, возникшему только из-за продолжающейся войны. Девушка в подростковом возрасте, командующая целым корпусом, выходила за рамки исключительности. Это уже было в диковинку.

Конечно, ее звание не такое высокое, как у Вика, кто командует наземными силами своей страны с несколькими корпусами. Но в Объединенном королевстве держалась деспотичная монархия. Король выступал верховной властью над военными силами, и еще сам Вик был принцем. Вполне закономерно, что сыну короля вверят часть полномочий.

— Прошу прощения, второй генерал Резе. Я слышала, в Святой теократии в этом нет ничего необычного, но...

— Пожалуйста, называйте меня Хилно. Вы, полковник, одного возраста с моей старшей сестрой. Буду рада, если станете ко мне обращаться как к младшей сестренке.

Лена не скрывала своего замешательства, на что Хилно отреагировала звучным хихиканьем. Бледно-светлые ниспадающие прелестные волосы, глаза с нежным золотым оттенком раннего вечера. Изящные плечи, похожие на крылья лебедя, и утонченные руки скрывались за белым одеянием. Она держала жезл командира, слишком длинный для ее роста, — это была стеклянная трубка со свисающими колокольчиками, звенящими при каждом движении.

Улыбаясь все той же очаровательной улыбкой, она заговорила голосом без намека на злобу.

— В природу людей заложено распутство, и под человечностью понимается мирская жизнь и скромность. Я просто не могу винить чужеземцев за несоблюдение жестких предписаний нашей священной веры Ноиря. В особенности я не жду понимания от развратного народа Республики, кто отказывается посвятить себя долгу земной богини. Мы это поняли еще триста лет назад, и поэтому нам все равно.

— ...

Грета предупредила до отправки группы в это место. Она объяснила, что образ мышления граждан Святой теократии может сильно ввести в замешательство, поэтому рассказала подробнее о стране. Лена внутренне вздохнула. Всякий раз в разговоре со штабными офицерами из Святой теократии или Хилно она не могла отделаться от мысли, как сильно разнятся их ценности.

Страны на дальнем западе, в центре которых лежала Святая теократия, исповедовали религию Ноиря. Их абсолютное Божество — богиня земли, управляющая судьбами. Исходя из веры, богиня земли дарует людям роли, которым должны следовать, и судьбы, которым обязаны придерживаться. Все души рождаются в семьях исключительно ради исполнения предписанной роли.

Ноиря считалась национальной религией в Святой теократии, здесь строго придерживались заповедям, и рассматривали их превыше даже законов. В этой стране ни один житель не выбирал себе профессию, и наиболее важным фактором для брака была семья. Индивидуализм и свобода выбора тут не существовали ни в каком виде.

Военный офицер Теократии, кто молча стоял возле Хилно, громко прочистил горло. Плечи девушки дернулись, словно в ответ на упрек.

— Ах... Мои извинения. Я допустила грубость?

Ее золотые глазки нервно забегали, как у нашкодившего котенка. Да, несмотря на сказанные слова, Хилно не хотела никого оскорбить. Просто образ мышления в корне отличался от такового у Лены.

Еще стоит отметить отличие в языке Святой теократии — он отличался от общего, используемого в Республике и Союзе. Хилно, однако, с самого прибытия ударной группы говорила на общем для них языке. Причем выходило так естественно, что Лена иногда забывала: для Хилно их язык не родной.

— Нет, не переживайте... И, Хилно, можете называть меня Лена.

Выражение ее лица просветлело. И стало совсем как у юной девушки на три года младше Лены.

— Ох, спасибо огромное, сестрица Лена!

Штабной офицер снова кашлянул. На этот раз Хилно преувеличенно пожала плечами. Офицер неотрывно смотрел вперед, но в его взгляде читалась нежность, с какой обращаешься к младшей сестре, и глубокое уважение к дорогой принцессе. Лене это показалось трогательным. Должно быть, подчиненные любили свою миниатюрную командующую.

— Ну раз этот вопрос решили, Хилно, я бы кое о чем хотела спросить. Как вы обнаружили Кукушку-Джирьял, учитывая, что она расположена в семидесяти километрах от передовой?

— Ее засекли оракулы из отдела прогнозирования, — ответила Хилно.

Штабной офицер заметил непонимание во взгляде Лены и добавил:

— Оракулы — так мы называем тех, кто одарен психической способностью Гелиодор, полковник. Наверное, лучше всего ее можно охарактеризовать как превентивное обнаружение угрозы для себя, близких и товарищей. В отличие от ясновидения Пиропов и видения будущего Сапфиров, они не могут в подробностях изучить саму угрозу, но взамен радиус обнаружения намного больше. Оракулы-офицеры из нашего поколения могут засесть опасность на целой

области вокруг дружественных стран на дальнем западе.

— Оракулы считаются одной из главных причин выживания Святой теократии и соседних стран. И еще поговаривают, что в давние времена, задолго до основания Святой теократии, радиус обнаружения одного из оракулов достигал сотню тысяч километров.

Это напомнило Лене о Шине, чья способность могла захватить всю Республику и западный фронт Союза... Хотя, по правде сказать, «сто тысяч километров» ей казались слишком преувеличены.

Хилно продолжила:

— Как штабной офицер уже упомянул, оракулы не способны в подробностях рассмотреть угрозу. Мы отправили разведчиков вглубь территорий Легиона, и так засекали громадину — Кукушку-Джирьял.

□

— Основываясь на предварительном наблюдении Святой теократии, Альцион представляет собой улучшенную версию Вайзела, чью медленную скорость в несколько километров в час, к счастью, и унаследовал.

Если в Союзе, Республике, Альянсе и Объединенном королевстве использовали общий язык и их диалекты, Святая теократия же и страны дальнего запада говорили на другом языке с уникальным акцентом. В результате Шин и офицеры Союза едва ли могли произнести их иностранные слова.

И как итог, военные Союза в разговорах между собой использовали другое название для Наступательно-производственного типа — Альцион. В основу обозначения легла птица, так же, как и у Святой теократии. Птица северных морей из мифов.

Фредерика, держа голову прямо и, нахмурившись, шагнула вперед.

— ...Все равно напрягает. Альцион, грубо говоря, пригрел Ночесветку. Значит, мы можем и дальше называть машину Ночесветкой.

— Это просто теория с учетом обстоятельств. Мы не можем подтвердить ее, пока не уничтожим и не проведем исследование.

Хотя на самом деле способность Шина уже это подтверждала в какой-то мере. Вскоре после прибытия в Святую теократию он услышал Ночесветку и довольно быстро сообразил, что голос этот исходит от названной Кукушки-Джирьял.

Но пришлось преподнести это лишь как гипотезу. Им велели не раскрывать даже технологию парарейда, и ради удержания в секрете существования рейд-устройства строго приказали использовать только радиосвязь.

— Твоя правда... Тогда, если исходить из того, что этот Легион может быть Ночесветкой, почему не стреляет по нам, хотя находимся-то мы в пределах эффективной дальности.

— Не совсем в пределах, все-таки немного дальше. Скорее всего, в планах у Легиона обстрелять передовую и тыл разом — по крайней мере это входит в наши расчеты. С учетом размеров вряд ли у него есть возможность вести огонь и передвигаться одновременно.

Несмотря на огромную зону поражения, скорость нового типа Легиона чрезвычайно мала. Перед атакой ему нужно остановиться, поэтому оптимальной тактикой будет подобраться как можно ближе и захлестнуть все вражеские линии разом.

С учетом сказанного, Шин сощурился. Вполне закономерно, что Святая теократия впадет в панику.

— Исходя из эффективной дальности Морфо или Ночесветки, возможна бомбардировка всей территории страны. В худшем случае только один этот Легион сотрет целую нацию.

□

— Так, э, наша миссия состоит в том, чтобы разгромить Альцион прежде, чем он успеет достигнуть расчетной огневой позиции, верно?

Рито взял командование вторым батальоном вместо Юто, Митихи — третьим. Они расположились вблизи передовой, в пятнадцати километрах от отряда Остриё копья и Яростной армии.

Здесь находился замаскированный склад снабжения для боеприпасов и топлива. Даже эти сборные помещения выкрасили в жемчужно-серый. Переводчица из Святой теократии сообщила им, что лучше засесть в фердресы, поскольку склад герметичен лишь в малой степени. Собственно, так они и поступили. Рито вывел карту операции на оптический экран.

Через парарейд — вместе с рейд-устройством работала также радиосвязь — он почувствовал, как Митихи саркастически улыбнулась.

— Многовато же ты упустил, Рито. Сказал так, будто мы собираемся просто ринуться вперед.

— Знаю-знаю. Сперва военные Святой теократии непосредственно нападут на Легион, чтобы выманить вражеские машины. Вместе с тем передовой батальон кэпа Ноузена и мы, кто включен в основные силы, заляжем на дно, так? Народ Святой теократии силен. Они вполне

могут самостоятельно позаботиться об отвлекающем маневре.

Даже Рито, совсем юный солдат, понимал, насколько обстоятельна, дисциплинированна и сильна армия Святой теократии. Оборудование и оснащение, конечно, оставляли желать лучшего в сравнении с большими странами вроде Союза, но их воинственный дух зашкаливал: отряды на передовой и солдаты на защите дома — все они пребывали в состоянии готовности.

Хотя создавалось впечатление, словно они буквально боготворили командира корпуса. Останавливались перед каждым ее портретом, молились и произносили имя. Флаги с изображением девушки развевались всюду, стоит только обернуться, постоянные упоминания о ней безликими солдатами. Религиозное рвение сбивало с толку, но прежде всего...

— ...Вот эта часть самая жуткая.

Рито мельком бросил взгляд на солдат. Вне ангара те ходили укутанные с головы до пят в жемчужно-серую пилотную форму. Их лица скрывались за масками и очками. Пилотировали они жемчужно-серые фердресы с необычной конструкцией.

Сцена напоминала караван чудесных лошадей с восседающими на них безликими кавалерами на фоне пепельного снега.

— Я тебя понимаю, но у них нет выбора. Поле боя Святой теократии... пустой сектор покрыт пеплом.

Полуостров Отсеченная голова на самом конце северо-западной оконечности континента. Или, как его еще называют, — пустой сектор. Пустошь, которую веками крыл вулканический пепел. Когда-то вулкан в центре полуострова проснулся и выбросил столько дыма и пепла, что земли вокруг него сделались непригодными для проживания человечества.

Целые страны и даже дикие животные спешно покинули область, из-за чего она осталась заброшенной на сотни лет. Теперь же солнце закрывали серые облака, а на поверхности лежал толстый слой пепла. Магма принесла с собой тяжелые металлы, которые загрязнили воду, и земли сделались окончательно безлюдными.

Основная масса наступательных сил Легиона, противостоящих Святой теократии, очертила пустой сектор как основную зону влияния. В результате поле боя этой страны пролегало вокруг здешней вулканической области.

Вот почему пилотная форма и фердресы Святой теократии были такими странными и уникальными соответственно.

Вулканический пепел образуется из измельченной магмы, которая выбрасывается на поверхность и оседает на земле в виде твердых частиц. В основе своей они представляют собой

крошечные осколки природного стекла. Их края остры и легко повреждают кожу и глаза. Если дышать ими в течение длительного периода времени, легким можно нанести серьезный ущерб. Проще говоря, на этом поле боя не выжить тому, кто открывает свое тело почем зря.

Потому все солдаты Святой теократии, без исключений, вне ангаров ходили в защитных костюмах. И по той же причине в их армии не было пехоты как таковой. Фердресы этой страны сопровождали небольшие мобильные агрегаты для прикрытия огнем на поле боя.

Рито услышал, как Митихи хихикнула.

— Но ты неплохо поладил с пилотами, разве нет, Рито?

— Ну, так-то да. Все еще не понимаю, о чем они говорят, но играть с ними весело.

Упомянутые пилоты — на самом деле юные солдаты практически одного возраста с Процессорами. Им стало весьма любопытно поглядеть на первых за долгое время иностранцев. При каждой свободной минуте они приходили в бараки ударной группы. Ребята обменивались сладостями, играли в карты или банально соревновались в любимой забаве военных — отжиманиях.

А в конце дня у них было развлечение другого рода: каждый выпивал из чашки с чаем в надежде, что в него не будет добавлены соус чили и особая смесь из приправ Святой теократии. Правда, потехе пришел конец, когда Шин и некий взрослый офицер отругали их.

К слову, именно в тот день они показали Рито портрет командира корпуса. На нем изображалась девушка из Цитрин с ярко-светлыми волосами и золотыми глазами. Они держали портрет, точно драгоценное сокровище. Словно на нем изображена сказочная принцесса.

«Рема рефоа, Химмельнод. Тцуриджи юуна, Резе.» — что в переводе означало: «Мы чествуем Вас, Химмельнод. Резе, наша путеводная звезда...»

□

Штабной офицер с брифинга знал язык Союза и объяснил им значение слов. Когда он читал им, то положил руку поверх нагрудного кармана жемчужно-серой формы. Наверное, там он держал кулон с ее портретом, ибо выглядел в этот миг истинно верующим.

Это была картина поклонения. Фанатизма... Веры.

«Восемьдесят шесть», не верующие ни в Бога, ни в небеса, ни разу за свою жизнь не видели подобного поведения.

Снаружи ангара, в котором стояли наготове Регинлейвы, Рито услышал на поле боя в пепельном снегу отголоски тех же слов. Они давали понять, что операция началась. Безликие солдаты Святой теократии возвысили голоса в молитве за воинственную принцессу.

«Рема рефоа, Химмельнод!

Тцуриджи юуна, Резе!»

И так начался первый этап операции. Диверсия армейского корпуса.

□

Как бы в ответ на торжественную молитву, передающуюся по линиям связи, Хилно стукнула жезлом о жемчужный пол, отчего чисто и холодно зазвенели стеклянные колокольчики.

— За судьбу земли нашей и гордость народа — Шига Тура, вперед! Битва впереди — наша война. Я молю вас, исполните свои роли с совершенством!

Кристалльно чистые приказы Хилно разносились по пепельному полю боя. Однако минул миг, и нежное эхо жемчужного голоса, напоминающего кварцевый песок, сменился ревом и боевым кличем солдат.

Зрелище ошеломило Лену. Она никогда не командовала такой большой армией.

— Это... невероятно, — восхищенно произнесла она.

Хилно моложе Лены, но лидерские качества и навыки командования у нее на совсем другом уровне. Реакцию на приказы можно описать только как пламенное благочестие — или даже фанатизм. Она не обернулась на Лену; ее взгляд не отрывался от переднего экрана. На нем показывалась эмблема 3-го армейского корпуса, Шига Тура: стремительный серый в яблоках конь.

— Родителей и братьев детей моего корпуса изничтожил Легион, — произнесла Хилно.

Лена в шоке распахнула глаза. Специальность рожденных в Святой теократии определялась семьей. Солдаты рождались в семьях солдат, а значит сейчас на поле боя стояли потомки всех тех, кто погиб в одиннадцатилетней войне.

Смотря на колеблющийся символ корпуса с пятью дивизиями, Хилно поджала коралловые губы в попытке сдержать слезы.

— Меня это стороной также не обошло.

Пятнадцатилетняя командующая корпусом была частью воинственной семьи.

— Я потеряла свою семью из-за Легиона. Дом Резе — семья святых с огромным политическим влиянием. Одиннадцать лет назад, когда разразилась война, дом Резе выступил на поле боя генералами, чтобы отдать дань своему положению. И потом все погибли. Все... за исключением меня.

Титул «святой» выдавался наиболее высокопоставленным священнослужителям веры Ноиря. В Святой теократии их рассматривали на должности государственных правителей и еще военных командиров.

Хилно на тот момент была еще слишком юна, чтобы в начале войны выйти на поле боя. Только подумать, всей ее семьи не стало... Ожесточенная, видимо, выдалась бойня.

Взгляд золотых, как заходящее солнце, глаз на миг блеснул жестким светом. Но когда повернулась, бледные черты лица уже восстановились и вернулась нежная улыбка.

— Все об этом знают, и потому обожают. Каждый из нас потерял семью, как-никак... Каждый.

□

Джаггернауты выстроились неподалеку от Яростной армии. Оборотень стоял рядом с Шином в режиме ожидания; Райден, сидя в нем, активировал одной рукой интерком и обратился к товарищу, на что тот обернулся:

— Шин, 2-й и 3-й армейские корпуса Святой теократии выдвинулись для отвлекающего маневра. Буквально только что. Мы также должны как можно скорее, чтобы не отклоняться от графика.

— Принято. Фредерика, готовься также пойти.

Он посмотрел на нее своими кроваво-красными глазами и обратился к ней твердым голосом. Фредерика горделиво кивнула. В этой операции она не останется в командном центре с Леной, а присоединится к битве в качестве наблюдателя со своей способностью. Она отправится в тыл фронта вместе с основными силами бригады, куда входят Рито и Митихи, и там уже будет работать с артиллерийским батальоном.

— Пока диверсия Святой теократии оттягивает на себя силы Легиона, твой передовой батальон продвинется в тыл фронта и останется контролировать радиус действия Альциона. Основное войско пройдет через брешь от отвлекающего маневра и продвинется вглубь территорий Легиона на шестьдесят километров... Все правильно? Как видишь, операцию я выучила на

зубок. Можешь рассчитывать на меня.

Шин кивнул. Но улыбка вдруг спала с губ Фредерики.

— Ты набрался решимости воспользоваться мной, Шин'эй?

Она имела в виду не ее роль наблюдателя в операции, а положение последней императрицы для отключения всего Легиона.

— ...Честно сказать, скорее нет, чем да, — ответил Шин со вздохом.

Он — «восемьдесят шесть», и его гордостью было сражаться до последнего вздоха. Переложить судьбу человечества на плечи девочки, пожертвовать одним ребенком ради окончания войны... Он не мог так легко принять ее доброту...

Но из-за этого же упорства один из его товарищей теперь не способен сражаться. Он не отводил взгляд от жестокой реальности, которая, как бы горестно не было признавать, висела на волоске.

— Но мне бы хотелось, чтобы жертва Сео стала последней. Для него я уже ничего сделать не могу, но здесь... Я не могу позволить себе поступить по-другому.

Дело не только в «восемьдесят шесть» или товарищах из ударной группы. Суть в том, чтобы больше не пришлось расставаться с бесчисленными жизнями солдат по всему полю боя в войне.

Фредерика пристально смотрела на него и искренне облекла мысли в слова. Так ему не придется тащить бремя этого решения на своих плечах.

— Я же говорила, помнишь? Я не останусь ребенком навсегда. Райден и Владилена уже высказались, потому настал мой черед. Полагайся на меня также, как полагаешься на них. Это то же самое, что попросить в пылу сражения товарища о поддержке... Ты не должен избегать этого.

— Я не стану реализовывать план, пока не будут сделаны все приготовления. Мое нежелание пожертвовать тобой не изменится.

— Да уж, я точно проклята постоянно оказываться под чрезмерной опекой братика... Но пусть так. Ты не должен поступать так же необдуманно, как Республика, — криво улыбнулась она. Затем, кое о чем подумав, добавила: — ...Однако, что касается проблемного козыря, свалившегося с неба. Я вынуждена попросить тебя, даже несмотря на твою гиперопеку, все-таки не втягивать меня в похожие авантюры.

— Приму к сведению...

Альцион вобрал в себе как черты Вайзела, так и Ночесветки. То есть размер у него был соответствующий. На серьезный ущерб от 88-мм башни Регинлейва надеяться в принципе не стоило. Даже огневой мощи 120-мм и 125-мм башен Ванарганда и Барушки-Матушки соответственно не хватит для его уничтожения.

И поэтому было представлено новое оружие. И именно для него потребовалась помощь наблюдателя в лице Фредерики. Ведь это самое новое оружие...

— ...Одна авантюра за другой, да и еще в каждой приходится на кон жизнь ставить, тебе не кажется это странным? — спросила она холодно.

— Знаешь, в этот раз хотя бы контрмеры подготовили — можно сказать, шаг вперед, — ответил Шин.

Тут вдруг в их разговор ворвался еще один голос:

— Всякий народ, у кого нет в закромах оружия с размахом и величием нашего черного лебедя, будет брюзжать из зависти. Одна из причин, почему мне так противны смиренные простолюдины. Они прямо как лиса в избитой истории про кислый виноград* — оглядываются на аристократию со своей мелочной завистью.

[П/П: если вкратце: лиса пытается дотянуться до винограда, но, так как ей не удастся, оставляет попытки, оправдывая тем, что он кислый.]

— ...Чего, прости? — повела бровью Фредерика.

Хотя лучше всего сейчас спросить...

...А чей это голос-то?

Шин был весьма озадачен высокомерной манерностью вмешавшегося в разговор. Не такой голос ожидаешь услышать на военной базе.

— Это же надо додуматься — поставить в главных силах этих хрупких скелетов вместо прекраснейшего Ванарганда моего старшего брата! Безвежественные! Вы обязаны узреть истинное величие гордого рыцаря!

Пронзительным голосом... говорила девочка. Фредерика невольно перевела взгляд на появившийся перед глазами пучок волос. Опустив взгляд еще немного, она столкнулась с парой золотых глаз.

Девочке на вид едва стукнуло десять лет. Алые, практически розовые волосы собирались в две косички, которые свисали подобно ушам собаки. Они находились на передовой, и все же на ней было шелковое платье багряного цвета и тиара с инкрустированными в нее красными камешками.

Пламенный ребенок, если описывать кратко.

Шин не знал ее лично, но в экспедиции успел уже свыкнуться с этим красным цветом. Значит, она была талисманом. Для уничтожения Альциона и сбора необходимой информации к 1-й бронетанковой дивизии присоединился еще один отряд из Союза.

Он ступил на поле боя восемьдесят шестого сектора примерно в том же возрасте, что и девочка перед ним, к тому же к ним уже давно приставлена Фредерика. Но с учетом талисманов Союза, Сиринов Объединенного королевства и слишком юных командиров корпусов Святой теократии, ему начало казаться, что каждой стране не хватает здравого смысла. Правда, он осознал это многим позже остальных.

— Ты хотела сказать «невежественные»? — спросила Фредерика, вздернув бровью.

— Ах!.. — воскликнула девочка-талисман, как ни странно, удивленно.

Фредерику сразу пронзило на смех (скорее всего, в отместку за комментарий), а та возмущенно посмотрела в ответ.

— Как смеешь ты?! Наглая дикарка!

— Чего, прости?! Кто тут еще наглая, я бы поспорила!

Шин устало вздохнул.

□

Митихи хоть и журила Рито за не совсем правильные слова, но ей самой Святая теократия также казалась несколько жуткой. Безликие солдаты в сияющем жемчужно-сером, причудливые фердресы в сопровождении неисчислимых небольших дронов... Но страннее всего — как вели себя военные этой страны: всегда торжественно и благоговейно. Складывалось такое впечатление, что они не на войну шли, а собирались в паломничество.

Митихи находила в этом беспомощность и надуманность. Быть может, потому что «восемьдесят шесть» не верили в Бога или небеса.

Затрещал интерком, и она услышала голос, который не доносился через синхронизацию:

— Нервничаете, юная леди? Не стоит, полк Мирмиколеон защитит как слабых людей Святой теократии, так и беспомощных детей ударной группы.

Бархатистый, ласковый голос нес с собой неприятную плавность, характерную для бывшей аристократии Гиаде. Империя была страной с самым большим числом дворян и принцесс на всем континенте и, закономерно, со множеством диалектов.

Диалект говорившего отличался от используемого ее приемным по бумаге отцом, Ричардом, и штабным офицером, Виллемом. Возможно, именно из-за непривычности звучал он еще более гадко.

Митихи тихо — чтобы не услышал связавшийся с ней молодой человек — вздохнула. Он просто по-своему попытался выразить заботу. Она оглянулась; внутри ангара помимо белого силуэта ее Регинлейва, Хуалянь, находился еще один агрегат. Восемь мощных ног удерживали внушительную конструкцию, обшитую толстой композитной броней. Оснащен двумя пулеметами и 120-мм гладкоствольной пушкой, способной поразить Льва или Динозавра. Обшивка не цвета стали Союза, а, скорее, киновари.

Это был основной фердрес Союза — М4А3 Ванарганд. Именно его использовал другой отряд, направленный вместе с ними на эту операцию.

— Свободный бронетанковый полк Мирмиколеон, да?..

Она не испытывала к ним особого интереса, но Грета все-таки объяснила обстоятельства. Некогда отряд состоял в частной армии под командованием дворянина, и теперь его интегрировали в военные силы Союза. Не только обшивка Ванаргандов была цвета киновари, но и Берсерки — экзоскелеты на бронированной пехоте.

И знать, по-видимому, имела склонность к театральному притворству. Оттенок обшивки слишком бросался в глаза, ее яркий цвет не мог служить маскировкой ни на пепельном поле боя Святой теократии, ни в городской или лесистой местностях западного фронта Союза.

На самом деле на любом поле боя столь насыщенный цвет будет выделяться. Современной войной правила рациональность. В ней нет места для старомодных рыцарей в сияющих доспехах.

Красная броня отражала слабый свет в ангаре подобно зеркалу. Причина тому в отсутствии пятен. Быть может, покрытие дополнительно обновили и отполировали для первой настоящей битвы. Налицо разительный контраст с Регинлейвом, чьи бесчисленные шрамы и потертости, полученные в несчетных сражениях, воспринимались как должное.

Ванарганд стоял нетронутым, потому что не знал бойни.

— Я все понимаю, вы говорите из лучших побуждений, но мне не нужно, чтобы новичок, которого ждет первый бой, относился ко мне как к ребенку... Буду признательна, если оставите свою снисходительность. Спасибо.

□

Пять дивизий 3-го армейского корпуса Святой теократии начали наступление. Вздохнув, Хилно с любопытством повернулась к Лене:

— Как бы вы описали людей из Свободного бронетанкового полка? Мне не выдалось шанса поговорить с ними...

«Значит ли, что с “восемьдесят шесть”, напротив, получилось побеседовать?», — задумалась Лена. Для экспедиционной бригады выделили бараки отдельно от военных Святой теократии.

— «Восемьдесят шесть» вполне дружелюбны — здороваются в ангаре, конференц-зале или коридорах. Мы даже повеселиться успели, — сказала Хилно.

Значит, уже беседовала.

Она вся засияла, когда начала хвастаться, как хорошо играет в карты.

— Я слышала, будто они грозная элита, что сделала поле боя своим домом. Но меня приятно удивило их дружелюбие. Кроме того, вряд ли это показное, они и между собой хорошо ладят.

— Как-никак, каждый из них выжил в восемьдесят шестом секторе, — ответила Лена с улыбкой на губах и ноткой гордости в голосе. — Что касается вашего вопроса... Мне жаль, но я офицер Республики, и не посвящена в дела армии Союза.

Штабные офицеры настаивали, чтобы Марсель ответил вместо нее, так что он принялся объяснять:

— Изначально они входили в полки, цель которых защита территорий бывших дворян... — Взгляд Марселя забежал от больших, незамутненных и золотых глаз Хилно. — В дни Империи у каждого высокопоставленного лица в распоряжении был полк. После ее падения большинство влились в военные силы Союза, но наиболее влиятельные дворяне сделали их своей частной армией. В основном в таком полке служат юная знать или дети из побочных ветвей, в чьих жилах течет благородная кровь.

В Империи аристократия всецело состояла из воинов. Военная служба была не долгом

простолюдинов, а привилегией для правящего класса.

— Ну и, собственно, Мирмиколеон представлен из детей бывших дворян. Их покровитель — дом Брантолот, могущественная семья Пиропов, так что, думаю, дети эти тоже из знатных Пиропов.

— Вот как... — задумчиво произнесла Лена.

— Ох, правда?! — с восторгом отреагировала Хилно.

Обе девушки покивали, впечатленные разъяснением. И точно, командир полка Мирмиколеон и офицеры, которых они встречали на инструктаже, вели себя благородно и вежливо, как подобает юным дворянам. Однако у Марселя, разъяснившего им все от корки до корки, сложилось о них совсем иное впечатление.

— Но... еще... они...

□

По временному ангару, выкрашенному в жемчужно-серый, беспокойно бегала девочка из Святой теократии. На вид ей шесть или семь лет — кроха даже по стандартам Бэрнольта и солдат из Варгов, привыкших к талисманам.

Она держала в руках кадильницу, сделанную из хрусталя. Взмахивала ею над головами солдат из Святой теократии и читала что-то вроде молитвы. Девочка подбежала и к Бэрнольту и его людям. Варгам пришлось уворачиваться от летящей в их головы кадильницы. Один из военных переводчиков Святой теократии поспешил к ним с нервным выражением.

— Мои глубочайшие извинения, унтер-офицеры Союза. Такой в нашей стране обычай, перед битвой получать благословение. Надеюсь, вам он не доставил проблем...

— А, да нет, ни в коем разе. Спасибо тебе, малютка.

Девочка не понимала язык Союза, поэтому нервно переводила взгляд с переводчика на Бэрнольта. Он присел на уровень ее глаз и повторил. Девочка сразу просияла, как поняла, что ее хвалили.

Тогда-то Бэрнольт и заметил группу людей в ярких цветах, шедших через коридор. Полк Мирмиколеон.

— Не хотите тоже? — окликнул он их. — Перед первой в жизни битвой вас могут благословить.

Но они не удостоили его ни словесным ответом, ни даже взглядом. Прямая осанка, внушительное телосложение — все как у образцовых офицеров. Но вот они прошли мимо Бэрнольта и его людей, точно бы их не существовало. Проигнорировали, как бродячих псин.

Варги только усмехнулись.

— Мы уже успели свыкнуться. С прибытия в эту страну ни капли не изменились. Противные ребята, правда.

— Ну, дворяне во всей красе. Аристократия никогда не относилась по-человечески к остальным.

Нет, они не воспринимали воинственный народ просто за дикарей, как в бывшей Империи. Для них, скорее, всякий вне аристократического круга не был человеком. Будь то бывшие подданные Империи или животные, никто не достоин даже взгляда, не то, что лишнего словечка.

И поскольку они относились так ко всем, Бэрнольт понимал, что не стоит принимать это на свой счет. К счастью, девочка, по-видимому, не обиделась, потому что побежала благословлять процессоров из отряда Коса.

— Вот не могу я их понять. Когда мы служили знати, получали по бочонку пива за свадьбу, за рожденного ребенка, или если отцы наши погибали в битве, — произнес солдат из Варгов.

— Ага, да только служили-то мы воинам Ониксам, — сказал Бэрнольт.

— Ох... Ну, может, дело и правда в этом.

Бэрнольт и товарищи Варги родились на территории благородных Ониксов. И раз они некогда были солдатами Ониксов, дворянские дети Пиропов еще сильнее недолюбливали их.

Они шли молча, не достаивая Варгов ни поворотом багряных голов, ни взглядом алых глаз.

Вел их офицер — само воплощение благородной женщины-рыцаря. Ее золотые волосы туго сплетались в косы. За ней следовали молодые парни с идеально уложенными прическами и ухоженными ногтями, разодетые в летную форму под стать телосложению.

Яркий пример дворянского образа.

Но тут Бэрнольт внезапно обернулся.

«Погоди-ка...»

Из картины выбивалась одна деталь. У Пиропов алые волосы или глаза. А вела их офицер с золотыми волосами.

— ...Хм-м.

□

Пронзительные пререкания двух особ продолжились, к большому несчастью Шина.

— С какой такой стати черный лебедь «ваш»? Это еще как понимать? Эта птица разработана исследовательским институтом и вверена ударной группе! Не смей присваивать ее себе, нахалка!

— Но именно нашим brave солдатам из полка Мирмиколон доверили переправить ее в Святую теократию! Вы, неотесанные «восемьдесят шесть», не можете справиться с транспортировкой изысканного оружия!

— Еще бы. Вашим неповоротливым Ванаргандам идеально подходит роль вьючных животных.

— С-смеешь говорить такое, когда ваши жалкие Регинлейвы только и могут, что скакать с одной кочки на другую?! И как еще язык поворачивается зваться талисманом, богиней победы, с этим старомодным тряпьем!

— Сказала девица, для которой поле боя, видимо, бальный зал. На что ты рассчитываешь, выйдя на войну в безвкусном, непрактичном платье? Станцевать разок с Легионом?

Райден решил тихо отсидеться в кабине Оборотня, а Шин оставался под перекрестным огнем ругани двух девчонок. Вернее, ему просто не дали сбежать — Фредерика схватила его за рукав полетной формы.

— Хватит! стыдба какая! — Девочка от гнева топнула ногой. — Спряталась за спину братика? Трусиха!

— Завидно? Непутевая деревенщина!

— Т-ты... да ты... доска стиральная!

— Гном!

На этом терпение Шина иссякло.

— Заканчивай. Ты ведешь себя, как ребенок, — сказал он Фредерике.

— И совсем не как леди, принцесса, — встрял еще один голос.

Обе они мгновенно умолкли, хотя продолжали сверлить друг друга взглядами, точно два шипящих котенка. Шин обернулся на того, кто остановил их перепалку.

Сам голос он уже слышал ранее. С этим человеком он встретился до отправки в Святую теократию и несколько раз пересекался на месте сборов и совместных тренировках.

— Извини, если наш талисман нагрубил, капитан. И ты тоже, малышка талисман, прими извинения.

К ним направился человек со стройным телосложением и изящными чертами, характерными для старой знати Империи. Бронетанковая форма пилота по стилю повторяла стандарты армии Союза, разве что была цвета киновари. На эмблеме отряда красовался гротескный монстр — помесь льва и огромного муравья.

Это командир Свободного бронетанкового полка бывшей эрцгерцогини Брантолот, а звали его...

— ...Майор Гюнтер.

— Я сколько раз говорил, что можешь звать меня Глэйвиц... — произнес он, подойдя с опущенными плечами.

Парень выглядел на лет двадцать. У него насыщенные, багряные волосы и алые глаза Пиропов, как у Фредерики и Шина. Девочка обернулась и в слезах побежала к Глэйвицу. Из-за разницы в росте ему пришлось присесть, чтобы принять объятия.

— Ах, братик! Это неприемлемо! Нельзя допустить, чтобы простонародные дикари из «восемьдесят шесть» возглавляли наступление! Мы можем пересмотреть состав главных войск прямо сейчас?!

— Снова ты за свое?.. — спросил он с суровым выражением лица, предвещающим наставление.
— Ты вела себя очень грубо, принцесса. Это ведь твое первое знакомство с капитаном и талисманом ударной группы, разве нет? Ты должна сперва уместно поприветствовать их.

Девочка, названная «принцессой», надулась, но парень не отступал. Разрешилось все угрюмым реверансом.

— ...Богиня Победы Свободного полка Мирмиколон, Свенья Брантолот. Приятно познакомиться с вами, капитан Шин'эй Ноузен, и с этой нахальной лизоблюдкой.

Фамилию Шина, Ноузен, она произнесла подчеркнуто неприветливо. Покровителем полка Мирмиколон был дом Брантолот, а в Империи Гиале Пиропы противостояли дому Ноузенов, опоре Онисов.

Фредерика уже собиралась высказаться на очевидную провокацию, но Шин ей натянул фуражку на нос.

«Ты слишком все усложняешь. Помолчи.»

И между тем...

— ...Я думал, ваши люди расположились в штабе экспедиционной бригады. Не значит ли это, что сейчас вы, майор, должны быть на передовой с младшим лейтенантом Митихи? — спросил Шин.

— Ну, понимаешь, тут такое дело... — Глайвиц потупил взгляд, смущенно потирая висок состриженным ногтем. — Стыдно признавать, но принцесска проспала. Не смогла уснуть на нервной почве перед битвой.

— Братик! — воскликнула раскрасневшаяся Свенья.

— Долг рыцаря — дождаться, пока леди закончит туалет, но операция важнее. Я оставил на главные силы вице-командира и сказал идти вперед. Много времени не уйдет, чтобы догнать взвод Ванаргандов, поэтому перегруппируюсь с ними еще до того, как все начнется... Кроме того, до операции я бы хотел обмолвиться с тобой парой слов, капитан Ноузен.

Шин пристально смотрел на Глайвица, на что тот пожал плечами.

— Бог Смерти, ведущий «восемьдесят шесть». Ноузен наполовину. Я постоянно задаюсь вопросом, какие мысли крутятся у тебя в голове в пылу битв. Все думаю: «Может ли он быть похожим на нас?».

— ?..

Тут-то Шин и заметил. Черные волосы Онисов достались ему от отца, но брат, Рей, унаследовал мамины алые волосы Пиропов. Однако у красных волос Глайвица оттенок несколько отличался от таковых у брата и матери. Искусственность цвета подчеркивал естественный алый у Свеньи.

Его волосы покрашены. И еще золотые глаза девочки — скорее всего, черта Гелиодор. Шин особо не обращал внимания на это, но, если так посмотреть, все Пиропы полка Мирмиколеон имели смешанное происхождение.

Знать Империи презирала идею смешивания родословных. И за десять лет после возникновения Союза ценности остались прежними.

«Значит, отсюда и символ», — пришла горькая мысль в голову Шина.

Муравей-лев, такая у них эмблема. Монстр с головой льва и телом муравья. Два вида скрещены в один. В отряде служили дворянские дети, в чьих жилах пусть и текла благородная кровь, но из-за смешанного происхождения их не могли принять в аристократический круг.

— Но, наверное, ответ «нет». Маркиз Ноузен для тебя добрый дедушка, да? Хотя... все-таки ответь, ради чего ты сражаешься?

— ...

Шин тяжело вздохнул... Юджин однажды задал тот же вопрос.

— ...Майор Гюнтер, операция уже на носу. Нам некогда...

— Да, и поэтому я хочу узнать только это... Буду благодарен, если ответишь на один вопрос, — смущенно улыбнулся Глайвиц.

Он хотел услышать ответ от Шина — ребенка смешанных имперских кровей, и кого благородные семьи не сделали пешкой.

— ...Потому что идет война.

Она забрала его семью и многих братьев и сестер по оружию. Восемьдесят шестой сектор лишил Шина будущего и свободы. Катастрофа немыслимых масштабов. Точно также металлический вихрь насилия унес руку Сео и частично будущее.

— Я хочу ее конца. Хотя для вас эта причина может показаться странной, майор.

— Это еще мягко сказано. Все-таки после войны к тебе и твоим друзьям перестанут относиться как к героям. Просто станете теми, кем и должны быть, — подростками, то есть. Вы опытные воины, но другими навыками не владеете. И даже зная это, ты все равно хочешь окончания войны?

— Чего я не хочу, так это быть героем.

Губы Глайвица слабо изогнулись в горькую улыбку.

— Понятно... Завидую я тебе. Я... Мы не можем быть такими сильными. А хотелось бы.

Стать героями.

Бывшие дворяне Империи держались за эту воинскую гордость. Стать теми, кто правил из-за превосходства на поле брани.

В их полку собрались те, кого не приняли семьи из-за смешанной крови.

Быть может, именно из-за этого неприятия они так отчаянно хотели доказать свой дворянский статус.

Свенья недовольно потянула Глайвица за рукав его пилотной формы цвета киновари.

— Я потому и говорю, что это неприемлемо, братик!

— Принцесса, а я говорю тебе, что изменить ничего нельзя.

— Вы брат и сестра?

Фамилии у них различались, конечно, но корни должны быть одни, так что родственные связи вполне возможны.

— Ты впервые интересуешься у меня чем-то, — игриво повел он бровью.

Взгляд Шина сделался озадаченным, а Глайвиц рассмеялся:

— Нет, но близко. Применимо это не только к принцессе — мы из Мирмиколеон все такие: товарищи, братья и сестры по отряду. Кто-то связан кровно, да, но остальные нет. Полагаю, с вами та же история.

Ударная группа. «Восемьдесят шесть», жившие и погибшие на поле боя восемьдесят шестого сектора. На миг задумавшись, Шин кивнул. В этом смысле Глайвиц прав. Полк Мирмиколеон и «восемьдесят шесть» связывали те же взаимоотношения. Это не кровная связь, а родство тех, кто сделал поле боя своим домом, и скрепленное узами избравших одну гордость.

— ...Да, у нас также, — сказал Шин. — Тогда оставлю свою «младшую сестру» на ваше попечение, майор.

— Ты про младшего лейтенанта Кукумилу? — Глайвиц серьезно кивнул. — Со мной она будет в безопасности, капитан.

Он расслабленно, где-то саркастично улыбнулся.

— И еще остается проблемный черный лебедь.

— Ага...

Черновой план №1720 старшего научного института, Черный лебедь смерти.

Несмотря на активную стадию разработки, его не успели подготовить к первому масштабному наступлению для противостояния Морфо. Ввести новое оружие на поле боя сейчас решили из-за появления Ночесветки и Альциона.

Рельсотрон Союза.

Альцион слишком огромен, чтобы противостояли ему только фердресы. И вот, Лебедь смерти — ключ к уничтожению вражеской машины в предстоящей операции, который сопровождают Митихи и Рито вместе с основными силами, пробираясь вглубь территорий Легиона. Можно сказать, это оружие, во всех смыслах, козырь экспедиционной бригады Союза.

Рельсовая пушка Легиона может атаковать и контратаковать с абсурдно-огромного расстояния в четыреста километров, к тому же ей достаточно провести всего один выстрел, чтобы расправиться с врагом. Теперь у них самих есть дальнобойный, крупнокалиберный рельсотрон.

Правда...

— Я понимаю, что это лишь незавершенный прототип, но еще слишком рано пускать этот рельсотрон в бой.

Новое оружие должно было быть дальнобойным, крупнокалиберным рельсотроном, но сейчас это прототип в процессе разработки. Нынешняя начальная скорость снаряда — две тысячи триста метров в секунду — превышает максимально возможную для артиллерийской установки, но она далека от восьми тысяч метров в секунду Морфо.

То же применимо и к весу боеголовки. Снаряд может уничтожить Льва в сотнях километров, но предварительные вычисления показывают, что для надежной ликвидации Альциона нужно выстрелить с расстояния в двенадцать километров — ничтожно малая дальность для

«дальнобойной» пушки.

Послышались постукивания армейских ботинок, и к ним подошла группа людей в пилотной форме цвета киновари. Светловолосая офицер, капитан, отсалютовала. Вместе с тем она бросила взгляд на Шина и Фредерику.

— Майор, время выдвигаться.

— Понял, Тильда. Принцесса, пойдём. Спасибо, что уделил время, капитан Ноузен.

— Да, братец, — кивнула Свенья.

Шина ни в малейшей степени не заинтересовал брошенный взгляд их капитана, но ему показался подозрительным обмен фразами Глайвица и Свеньи.

— Вы берете талисман на передовую?

В отличие от одноместного Регинлейва, Ванарганд был двухместным фердресом. Хотя у стрелка и пилота все-таки имеется возможность переключиться на единоличное управление на чрезвычайный случай.

Ванарганд мог взять на поле боя талисман, кто не должен уметь ни пилотировать, ни стрелять, но...

Глайвиц кивнул с искренней и дружелюбной улыбкой на губах.

— Куда же без нее... Она ведь наша Богиня Победы.

□

□

Провожая взглядом группу разодетых в форму цвета киновари, Фредерика глянула на Шина.

— Ты поставил меня наблюдателем для Лебеда смерти и, насколько мог, оттянул отправление, чтобы не дать им встретиться со мной, Шин'эй?

— ...Да.

Но, как итог, они все равно оказались в руках судьбы. Судя по вопросу, Фредерика все поняла.

Когда Свенья представилась, Шин не дал ей и шанса представиться в ответ, а разговором с Глайвицем не позволял вставить слово.

— Я не знаю, что конкретно генералы рассказали тебе про Брантолот, но нет нужды так сильно осторожничать. Семья Гюнтеров — одна из ветвей Брантолот и подвассалы Императорского дома. Тут как волки, оберегающие свое потомство, — тебе ничего не грозит, пока не показываешь клыки.

— ...Да, они предупредили меня насчет этого.

Перед отправкой генерал-майор Ричард сказал Шину, что хоть ударной группе разрешается свободно контактировать с людьми Мирмиколеон, именно ему нужно сохранять бдительность. Еще рассказал о вражде Пиропов в последние дни Империи — вражде между имперской фракцией, подчиняющейся Императорскому дому, и фракцией Новой династии, цель которой состояла в узурпации власти.

Лидером последней выступала эрцгерцогиня Брантолот. И из-за этого она стала врагом последней императрицы Гиаде Августы, известной лишь немногим под именем Фредерика.

С падением Империи и зародившимся Союзом ничего не изменилось. Одним из способов захвата власти и узаконивания трона является венчание с женщиной из бывшего Императорского дома. Выходит, для Новой династии Фредерика, как императрица, представляет достаточную ценность, чтобы похитить.

Но это не единственная причина, почему Шин так осторожничал с Глайвицем.

— Дело не во фракции, я не могу довериться ему лично... Как бы сказать...

Шин сощурился в раздумьях. Он припомнил первую их встречу еще в Союзе... Тогда он почувствовал в Глайвице что-то зловещее, нечто, всколыхнувшее нежелательные воспоминания. Наверное, для описания подойдет слово «одержимый». Словно он не видит перед собой ничего кроме цели, и что ради ее достижения он готов даже умереть.

— Он напоминает мне... меня в восемьдесят шестом секторе...

†

— Фрейя — всем членам передового батальона. Переходим ко второй фазе. Приготовиться.

— Принято.

†

Шиден сразу отправилась к Шину, когда все прояснилось.

Это был их первый день в Святой теократии, и тогда-то Шин услышал.

— Возьми меня с собой. Это должна быть я. Именно я должна упокоить ее.

Способность Шина позволяла определить каждую машину Легиона на поле боя восемьдесят шестого сектора Республики. У нее была крайне обширная область восприятия. Он не слышал голоса здесь, в Святой теократии, пока они не перебрались из Республики подальше на запад. Но по прибытию стало ясно, где укрылась Ночесветка от погони ударной группы.

— Шиден, — сказал он.

— Не смей скрывать такое от меня. Если решил и обо мне позаботиться, то знай — это не твое собачье дело.

Шиден выше большинства женщин, и теперь ее взгляд встретился с глазами Шина на примерно одном уровне. Она дернула его за воротник и притянула ближе. В ее глазах стояла ледяная кровожадность. Во время их знакомства ее лишь слегка раздражала апатия, которая явно читалась по выражению его лица. Сейчас же она неприкрыто возненавидела эту черту.

— Я никому не дам упокоить ее. Даже тебе...

Глаза двух цветов впились в него с негодующим гневом раненого животного. Спокойно выдержав взгляд, Шин снова обратился к ней:

— Шиден.

Теперь он говорил голосом воинственного бога, что некогда правил на поле боя восемьдесят шестого сектора, — голосом звучным и повелевающим. Шиден умолкла, точно нашкодивший ребенок. Воспользовавшись моментом, Шин освободился из ее хватки, затем перехватил ее галстук и притянул к себе.

— Успокойся. Ты как-то сама говорила об этом. Теперь уже я не могу позволить тебе участвовать в операции в таком состоянии.

«Теперешнего тебя нельзя допускать к предстоящей операции», — вот что сказала Шиден Шину перед вторжением на гору Дракониий клык.

— Ты остановишь ее, а что потом? Если рассчитываешь там и умереть вместе с ней, я не возьму тебя. Не потому, что для тебя этот конец кажется нормальным. Нет, ты просто хочешь, чтобы этот конец наступил. И я не собираюсь брать на операции того, у кого в голове такая каша.

Одна идиотка, жаждущая помереть, подвергнет всех остальных опасности.

«Ты обуза.»

Шиден до боли стиснула зубы. Она понимала, Шин прав. Ей не хотелось признавать этого, но доводы очевидны. Правильное решение как капитана, так и командира. Он не мог взять любого, кто подвергнет риску миссию. Как не мог принять во внимание чувства, вроде негодования или гнева.

И дело не в самой операции, якобы пустить ее — плохая идея, потому что успех висит на волоске. У Шина на руках жизни всех остальных, через какое бы сражение им не предстояло пройти. Он обязан оставаться рассудительным.

Но пусть она понимала, что это было разумное решение, но эмоции брали верх.

«Да кто... ты такой, чтобы... говорить со мной, будто все знаешь?..»

— Умереть вместе с ней?.. Черт тебя дери, откуда тебе-то знать, какого это?! — зарычала она.

— Я знаю, — спокойно ответил Шин. — Я хотел упокоить своего брата в специальной разведывательной миссии.

Шиден удивленно распахнула глаза. Специальная разведывательная миссия. Операция с нулевой выживаемостью, на которую республиканцы посылали «восемьдесят шесть» с целью погибнуть. Завуалированная казнь, назначенная Шину два года назад.

И раз он хотел «упокоить своего брата», выходит, его, «восемьдесят шесть», ассимилировал Легион.

— Я сражался в восемьдесят шестом секторе только ради этого. А как исполнил цель, был готов умереть... Но я обманул смерть. Выжил. И стал... ну... тем, кого ты видела после битвы с Морфо.

Год назад, на рассвете, после сражения с гигантским драконом. Он стоял среди лазурных металлических бабочек, точно потерянное дитя. Его бледно-белый Регинлейв был изодран и сломлен.

Для Шиден он показался жалким.

— Ты назвала меня жалким. И если бы Лена не пришла на помощь, я бы погиб тогда жалкой смертью. Теперь на этот путь встала ты... Я не беру тебя с собой. Даже тебе я не позволю пойти навстречу смерти.

Когда люди вроде них приходили к цели, они теряли причину сражаться, причину жить... и разбивались. Он не даст ей закончить так.

Шиден еще сильнее стиснула зубы. Затем шумно выдохнула, словно избавлялась от нахлынувших эмоций.

— ...Тебе, я смотрю, нравится бесить меня в такие моменты, а? «Даже мне»? Мог бы и пропустить эту часть.

Шин усмехнулся.

— Раз дошло только сейчас, тогда тем более я прав. Ты сейчас сама не своя.

— Да-да, конечно, как скажешь. Ты, мать твою, у нас всегда прав, а?

Шиден закатила глаза и почесала затылок. Теперь она все так же резка и груба с ним.

— ...Тут ты прав. Я сама не своя. Значит исправлюсь. Вернусь к прежней себе до начала операции. И раз такое дело...

Ее голос затухал, будто с каждым словом в животе нарастала злоба, но она все-таки отмахнулась от нее.

— ...дай мне немного времени, прежде чем окончательно решишь оставить меня. Заметано?

†

— Ну, так или иначе, в передовой батальон-то я попала, но...

Потеряв большую часть своего отряда, Циклоп Шиден в данный момент прильнул к отряду Нордлихт. Она была в первой группе для высылки вместе с Шином и половиной отряда Остриё копыя. Шин, сидя в кабине Могильщика, обернулся на неожиданный оклик Шиден. Яростную армию почти присоединили к его агрегату. В объявлении — сперва на языке Союза, потом Святой теократии — говорилось, что для передового батальона почти пришла пора выдвигаться. Ставни ангара начали открываться, а процессоры убедились, что кабины их агрегатов прочно закрыты. Персонал без защитной одежды вывели в безопасные помещения.

— Но что насчет Крены? Ты точно хочешь оставить ее?

В ее голосе не слышалось издевки. Она выражала беспокойство. Шин моргнул. С громким гудением передние ставни ангара отъехали в сторону, потолок сложился, и глазу открылось

пепельное небо. Посмотрев на него через оптический экран, он ответил:

— Я не оставлял ее, и даже не собирался. Крена снайпер. Ее роль позволяет разгуляться где угодно.

□

Давно ставшая привычной кабина Стрелка заполнилась пультами управления и дополнительными окнами. Сложные переплетения проводов преобразования и нестандартных кабелей крепились изолентой. Крена сидела в тесной кабине в предвкушающем ожидании своего хода.

В то время как армия Святой теократии совершала отвлекающий маневр, передовые силы были готовы отправляться. Позади них в порядке развертывания расположились главные силы экспедиционной бригады Союза, сокрытые во временном ангаре. Тут выстроились знакомые контуры Регинлейвов и алые силуэты Авангардов из полка Мирмиколон.

Наряду с ними стоял прототип рельсотрона Союза, Лебедь смерти. А на самом верху конструкции расположился Стрелок с Креной внутри.

Лебедь смерти разрабатывался с учетом предполагаемого противника в лице Морфо, и потому был столь же огромным: высота более десяти метров, более тридцати — общая длина. Но в отличие от Морфо и его сходства со злым драконом из легенд, Лебедь смерти, как следует из названия, выглядел как огромный, сгорбившийся лебедь.

Элегантное сходство, если бы не одно «но». На данном этапе это все еще прототип, выдернутый из лаборатории. Лебедь смерти не готов к реальным битвам: пылезащитные ставни выглядели наспех приделанными, ноги будто собирали из попавших под руку деталей, каждая из которых имела случайный цвет и степень окраски. Камеры контроля для этих ног располагались ассиметрично, служа идеальной демонстрацией спешки. Из них вываливались провода, словно кровеносные сосуды, и цеплялись к Стрелку.

Система наведения не была готова, поэтому в качестве замены выступал Стрелок.

На вид оружие было еще уродливее республиканского Джаггернаута, который часто называли алюминиевым гробом. Но Крену вполне устраивало. Она радостно напевала себе под нос мелодию, дрыгала ногами — вела себя как ребенок в ожидании поездки.

Она была счастлива. Счастлива, потому что ей доверились.

†

— Крена.

Когда Шин отдал руководство по использованию Лебедя смерти, ей показалось, будто он приглашал на сказочный бал. Прелестный вечер в замке при свете луны — вечер волшебства, который вытянет ее из обносков, покрытых золой. Дивный бал, где на одну ночь лишь она будет блистать в серебряном платье и хрустальных туфельках.

Само руководство состояло из собранных невпопад бумаг; и в самом деле, его составили буквально на месте. Но для нее это не имело значения. Она приняла задачу с прыгающим от счастья сердцем.

— Как обсуждалось на инструктаже, мы дадим тебе возможность управлять Лебедем смерти.

— Да!..

Они стояли в коридоре жилого блока, выделенного ударной группе, на армейской базе в тылу северного фронта Святой теократии. Стены и потолок здесь выкрашены в тот же жемчужно-серый. В восьмигранных проходах, казалось, витал аромат жженого ладана и запах агарового дерева, как бы заглушая вонь крови и стали.

Прототип рельсотрона, Лебедь смерти. На инструктаже они обсудили связанные с ним моменты и нерешенные проблемы. В результате выяснилось одно: прототип не готов к реальному бою.

Оружие могло выстрелить, но система наведения не работала.

Охлаждение как таковое также отсутствовало, а эта система нужна для затяжных сражений.

Зато был механизм автоматической перезарядки — правда, тоже прототип, и как следствие, на перезарядку уходило двести секунд.

Враг, может, и передвигался медленно, но самое большее для Лебедя смерти — один или два выстрела. Наводчиком будет выступать человек, но точность должна быть чрезвычайно высока.

И он полностью верил ей эту важную миссию.

Шин все еще доверял ей. Шин все еще нуждался в ней. Потому и дал эту задачу, и она была этому несказанно рада.

Сердце трепетало от волнения. Ей казалось, будто сейчас она может поразить самую маленькую цель на максимально далеком расстоянии.

Но несмотря на привалившую радость, готовую разорвать ее, холодные закоулки разума предупреждали — в этот раз ошибаться нельзя.

Мысль притаилась в глубине подобно зловещему леднику.

Этот ледник пугал. По правде говоря, она пребывала в неописуемом беспокойстве. Все-таки он настолько доверился ей, что взвалил на плечи огромную ответственность.

Он доверился ее навыкам.

Значит она не должна разочаровать его.

Она не может предать это доверие.

Вот оно. В этот раз она принесет пользу для Шина и остальных.

— Я справлюсь, — произнесла она, точно новую молитву сражаться до последнего вздоха бок о бок с товарищами.

Она обняла руководство; прижала к груди крепко-крепко, словно боялась, что могут отобрать.

Ведь у нее только это и осталось. Больше у нее ничего не было — только гордость и навыки, которые она оттачивала ради того, чтобы оставаться рядом с ним.

— Я не промахнусь, обещаю. Можешь быть спокоен. Я справлюсь.

Шин обеспокоенно нахмурился.

— Не волнуйся. Я верю... И я не брошу тебя.

«Не бросай меня.»

Эти слова сорвались с уст Крены после отступления. Они отражали глубоко зарытое желание цепляться за него.

— Ага, знаю, — улыбнулась Крена. Она будто ждала, что он так скажет. — Нет, правда, я понимаю. Но я «восемьдесят шесть».

Она будет сражаться до самого конца.

— Бороться не на жизнь, а на смерть. Вот наша гордость. И я хочу ее уберечь.

Взгляд Шина исказился от боли. Она говорила то же самое в прошлый раз, и он тогда отреагировал точно также. На миг задумавшись, стоит ли в этот раз облечь мысли в слова, он приоткрыл рот:

— Ты говорила, что нам не нужно меняться. Помнишь?

— ...Да.

«Если для тебя это тяжело, не нужно заставлять себя меняться.»

— Если ты действительно не хочешь меняться, можешь оставаться собой. Это нормально. Но если ты думаешь, что попросту не можешь измениться... если будешь держаться за гордость, как за проклятье...

В глазах Шина теплилось намного больше жизни, чем когда он сражался в Объединенном королевстве или в восемьдесят шестом секторе. На первом поле боя, движимый неустойчивой тревогой, он шагал по натянутому канату, балансировал по лезвию ножа. На втором — в кроваво-красном взгляде проглядывался лед, такой же крепкий, как замерзшее море.

Но в какой-то момент лед оттаял, сделавшись умиротворенной поверхностью озера. Крена видела себя в отражении этих глаз. В них читалось беспокойство за нее, боль.

Он стоял прямо напротив, так почему... почему казался так бесконечно далек?

— ...в этом случае тебе не нужно принуждать себя нести это бремя.

†

— Направляющая катапульта, охлаждение завершено. Все стыки, блокировка подтверждена. Контрольный перечень, проверка завершена.

Две пары ног громко заскрежетали. Они взяли на себя вес двух вытянутых девяностометровых направляющих и поглотитель отдачи в форме плуга.

В закрытом ангаре направляющие были сложены подобно крыльям, но сейчас они распрямились и, точно острие копья, указывали в небо. Без них общая длина машины составляла сорок метров, что ставило ее в один ряд с внушительным Морфом.

Покрывал его, однако, не типичный стальной цвет Союза, и не темно-коричневый родины

Альянса, а оружейный металл черного оттенка — цвет Дикой охоты, эфемерной армии, что движется во тьме ночной.

«Восемьдесят шесть» уже видели похожую конструкцию. Механизм запуска наземного летательного аппарата Союза, Нахцерер, в операции с Морфо. Легион типа поддержки, который они разграбили в Объединенном королевстве, — Кентавр. И наконец, похожее устройство использовалось на полетной палубе Стеллы Марис для корабельных самолетов.

— МК. 1 Яростная армия, подготовка к запуску завершена.

Двадцать четыре Регинлейва, похожие на черных виверн, медленно встали на направляющие.

□

— Наверное, поздновато спрашивать, но тебя отправили в ударную группу в качестве инструктора, так, капитан Оливье?

Райден стоял следующим в цепочке командования после капитана, и поэтому не мог выдвинуться вместе с Шином. Последний вел 1-й взвод передовых сил, а сам Райден — 2-й взвод.

Джаггернауты взвода Шина встали на катапульте Яростной армии в ожидании запуска. Они возвысились где-то на десять метров над Райденом. Он поднял взгляд, затем его внимание привлек 3-й взвод: там среди белых агрегатов стоял один-единственный коричневый Штолленвурм.

Сео был авангардом в 3-м взводе, и кто-то должен заполнить образовавшийся пробел. Как итог к ним присоединился Оливье, специализирующийся на ближнем бое. Весьма желанная замена, надо сказать, но...

— Ты точно должен участвовать в реальном сражении? Так еще и в передовом отряде...

— ...Ну, есть какое-то правило, которое гласит, что инструктор не может биться на линии фронта? — ответил Оливье, завязывая косу в кабине Анны Марии.

Райден слышал копошение волос, слышал, как натягивается резинка. Звучало до ужаса похоже на то, как в старинные времена мечник обнажал меч, или лучник натягивает тетиву.

— Это первая битва Яростной армии, и первое реальное сражение передового отряда с Мантией. Как опытный оператор Мантии, и как ваш инструктор, мое участие вполне закономерно.

□

В милитаристическом Объединенном королевстве военное мастерство считалось гордостью для королевской семьи, и даже принцесса пилотировала фердрес. То же самое относилось к лейтенанту Вика и уполномоченной в этой миссии Зайше. Если на то появлялась нужда, долг дворянской дочери Роа Грации — защитить наследника и территории. Учиться пилотировать фердрес или владеть огнестрельным оружием хотя бы на уровне пехотинца считалось не постыдным, а достойным похвалы занятием.

— Госпожа, мы бронировали Алконоста насколько позволили весовые ограничения, но сами по себе они легкобронированные. Пожалуйста, помните об этом во время сражений.

— Я понимаю. Спасибо, капитан, — ответила она на вежливое предупреждение подчиненного.

Она завязала волосы в две косички, за очками скрывалась пара фиолетовых глаз. Ей была привычна собственная уникальная Барушка-Матушка с оснащением для разрыва коммуникаций и радиоэлектронной войны.

Но Барушка-Матушка слишком тяжела, чтобы быть частью передовых сил. Потому она вошла в их состав на Алконосте с наспех приделанным оборудованием под ее специализацию.

Их небольшой отряд будет в изоляции на вражеской территории. Электромагнитное вмешательство поденков нарушит эфир, отчего передовые силы не смогут получать информационную поддержку от Фрейи.

Внутренняя связь передового батальона, в зависимости от ситуации, также может быть прервана. Зайша и ее Алконост, Кролик, предоставит им эту поддержку. В обычных обстоятельствах роли ретрансляторов исполняли Сирины, но сейчас ударная группа впервые использует Яростную армию. Когда в дело вступало новое оружие, ситуация могла обернуться совершенно неожиданным образом. Сирины не были столь гибкими в принятии решений, чтобы полагать, будто они со всем разберутся.

И поэтому выступила Зайша. Во имя своего правителя, которому она пожертвует плоть и кровь.

— Мы отправляемся в путь во имя принца Виктора. Развертывание Кролика на предстоящую миссию. Оставляю вам командование наземными войсками.

□

Дастин был частью ударной группы, тем не менее среди процессоров он обладал наименьшим опытом. Его поместили не в передовой батальон, а в основные войска экспедиционной бригады, которые должны выступить с Лебедем смерти.

Согласно новому временному назначению, он отправился на передовую, оставив отряд Остриё копья позади.

Тут-то через парарейд он услышал голос:

— Дастин-кун.

«Анжу?»

Проверив установки синхронизации, он понял, что является единственной целью для связи. Дастин распрямылся. Остальные члены отряда Остриё копья входили в состав передового батальона, так же, как и она. Что побудило ее связаться с ним в этот момент?

— Что слу...

— Ты сказал, что не погибнешь и не оставишь меня, помнишь?

□

Анжу мысленно прокручивала прошедшие шесть месяцев: дни, проведенные вместе как ударная группа, и бесчисленные разговоры с Дастином; людей из Стран флота, вынужденно лишившихся своей гордости; Сео, чей путь к цели обрезают на середине.

Недавно она прошла мимо Шина и Крены и услышала их разговор. Слышала слова, которые он говорил, когда вверял роль наводчика Лебеда смерти.

Гордость, которая должна быть желанием или мечтой, сделалась проклятием.

Анжу все думала над этим. Она невольно задавалась вопросом, может, с ней происходит то же самое.

«У меня все еще есть чувства к Дайе-куну...»

Это правда. И все же...

«Я не могу думать о тебе в том же ключе, Дастин-кун.»

Это ложь.

Если бы она совсем ничего к нему не испытывала, не взяла бы за руку на том балу. Не

отправилась бы вместе исследовать пещеру... Не наблюдала бы с ним за морем, пылающим фосфоресцентными огнями ночесветки. Не как с другом, а кем-то... больше?

Но до сих пор она не смогла ответить на его чувства, потому что считала это предательством. Ведь это будет значить, что она забудет Дайю.

Она словно использует память о нем как оправдание, чтобы не двигаться дальше...

«Дайя-кун... не обрадовался бы моей трусости, не так ли?»

Она протяжно вздохнула, затем тихо выдохнула — так, чтобы Дастин не услышал. По неизвестной причине она очень... боялась. Но, подавив в себе страх, она заговорила.

□

— Я могу довериться обещанию?.. Я вот обязательно вернусь к тебе.

Глаза Дастина на миг удивленно расширились, а затем он решительно кивнул:

— Конечно!

□

— Обращаюсь ко всей экспедиционной бригаде Союза, солдатам Союза и «восемьдесят шесть». Говорит командир 3-го бронетанкового корпуса, Химмельнод Резе. Рассчитываю на вашу помощь в уничтожении Наступательно-производственной Кукушки-Джирьял.

По назначенной для сил Союза частоте зазвучал голос девушки. Крена удивилась. Это был ее голос — голос миниатюрного генерала Святой теократии. Девушка всего на два-три года старше Фредерики и на несколько лет моложе Крены. Она часто навещала бараки ударной группы, и Крена видела ее ни один раз. Даже поговорить довелось, хотя они всего-то перекинулись парой слов. Это произошло пару дней назад... Да, в тот самый день и момент, когда Шин сказал ей побыть наводчиком для Лебеда смерти.

†

«...в этом случае, тебе не нужно принуждать себя нести это бремя.»

Бремя гордости. Бремя образа жизни в сражениях до самого конца.

— Но!..

Крена не могла принять эти слова. Она отчаянно хотела воспротивиться, но Шин вдруг поднял руку и оборвал ее. Подавив гнев, она проследила за резким взглядом.

За углом находилась колонна из жемчужно-белого стекла. Свет преломлялся через нее призматическим свечением. Она была сделана в виде безголовой богини с крыльями, по рассказам представляющая континент.

В тени колонны стояла миниатюрная девушка с длинными светлыми волосами. По виду она походила на дивную фею из сказок.

— П-простите!.. Я не хотела прерывать вас, ну и подслушивать тоже!.. — взволнованно произнесла она, покраснев до кончиков ушей.

Крена вдруг поняла, что девушка неправильно поняла происходящее между ней и Шином.

— Н-нет! Между нами ничего такого! — выпалила Крена. Но до нее сразу дошел смысл своих же слов, и она запаниковала еще сильнее.

Она при всех отрицала чувства к нему, но при Шине еще ни разу. Вместе с тем, пока Крена пребывала в растерянности, тот обратился к девушке в том же замешательстве — правда, уже по другой причине:

— Вы же командир корпуса Святой теократии? Второй генерал Резе, если правильно помню... Что вы здесь делаете?

— Командир корпуса?! — воскликнула Крена.

— Да н-нет же, я просто переняла роль родителей... — нервно сказала Хилно.

Затем, немного успокоившись, она снова заговорила. Взгляд ее золотых, точно заходящее солнце, глаз сделался искренним.

— Я подумала встретить вас, «восемьдесят шесть». Я, как уже было сказано, командир корпуса, пришла как его представитель, чтобы поприветствовать наших спасителей. — На ее ангельском, невинном лице расцвела улыбка. — ...Пoprиветствовать тех, кто прошел через войну с детства. Таких же, как я.

†

Тот же голос, но даже через статический шум беспроводной передачи он почему-то звучал звонко и чисто.

— Спасите нас от нашей участи, о, герои чужих земель... Да убережет вас благословение земной богини. Пусть клыки стальных скакунов ваших не затупятся, а щиты — останутся прочными.

Вероятно, она стояла где-то там с прямой осанкой и, насколько могла, искадила невинное выражение лица яростью.

«Спасите нас от нашей участи», — так она сказала.

— Я справлюсь, — повторила Крена.

Правая рука невольно потянулась к пистолету в набедренной кобуре. 9-мм автоматический пистолет с утопленным внутрь ударником. В восемьдесят шестом секторе «восемьдесят шесть» использовали его, чтобы при наихудшем раскладе умерщвлять павших товарищей или себя. В Союзе им также выдавали эти пистолеты.

Пистолет ни разу не использовался по назначению. Ведь с восемьдесят шестом секторе это бремя нес на себе другой человек.

□

— Капитан Ноузен, передовой батальон готов выдвигаться. Эта операция первая, где мы используем Яростную армию. Прошу... сохраняйте осторожность.

Передовой батальон проникнет вглубь территорий Легиона. Оттуда не будет пути назад. Одна-единственная ошибка, и Шин с группой могут застрять на вражеской территории. Страх, что операция пройдет именно по этому сценарию, холодил сердце Лены.

Хуже всего, если их обнаружит Ворон или Дикобразы. Тогда они окажутся там беззащитными. Риски были намного выше, чем во всех вылазках до этого.

В предыдущей операции Шин упал с Мираж-Шпиля в море. Что, если бы он не выкарабкался? Ее пробрала дрожь, словно лед медленно сползал по спине. Лена не могла подавить в себе страх, как бы не старалась...

Но в ответ Шин лишь насмешливо улыбнулся.

— Я не забыл приказ по возвращению из Стран флота, Лена... Вряд ли я смог бы его забыть, даже если бы захотел.

— Шин!.. — воскликнула Лена, смущенная дразнящей ноткой в его голосе.

Шин коснулся рукой своих губ. Она ощутила прикосновение через синхронизацию. Пообещав, он поцеловал ее... И это уже был не первый их поцелуй. Она могла бы смириться с этим, потому что сейчас парарейд связывал только их двоих, но...

Самописец Регинлейва продолжал записывать абсолютно каждое слово пилота. Из-за записей Шин уже несколько раз попадал в неловкие ситуации. Он усвоил урок, поэтому теперь выражался не так прямолинейно, чтобы смысл не был понятен без контекста.

Но Лена-то знала, что стоит за его словами, и потому смущалась все сильнее. А если Грета начнет расспрашивать на разборе полетов?

«...Ничего страшного. Пусть Шин все объяснит.»

— Так это мсть, Шин? Только знаешь, ко дну я пойду вместе с тобой.

— О, получается, мстить было за что? Я задаюсь вопросом, может, это за тот месяц перед отправкой в Страны флота, когда ты держала меня в неведении.

— Ну, возможно... Но... Это прозвучит как оправдание, но в тренировочный центр не ведут физические коммуникационные линии, и мне даже письмо не разрешали отправлять. И да, мне стыдно за то, что на целый месяц задержала ответ... Хм-м-м...

Чем больше она говорила, тем больше ей становилось неловко за содеянное.

— ...Прости меня.

Она услышала хихиканье.

— Ну вот, разве могу я умереть после долгожданного ответа?

«Не переживай так. Я выживу.»

Лена улыбнулась скрытому смыслу. Вот почему она тогда молилась о чуде.

И тут внезапно до нее дошло, как можно ему насолить.

— Как скажешь... И кстати, Шин? Я ведь еще не вернула куртку, которую ты мне тогда дал, чтобы накинуть поверх Цикады... Ты пользуешься одеколоном? Она до сих пор пахнет тобой. Иногда... я надеваю ее для успокоения.

— ?!.

Он вдруг разразился кашлем. По-видимому, откровение застало его врасплох. Лене самой ее слова показались неприличными, но когда поняла, что Шин получил по заслугам, неспешно продолжила:

— Наверное, буду брать куртку с собой на каждую операцию. Если начну тревожиться, крепко-крепко обниму ее.

— ...

Он умолк, возможно, воображая ее... И на этом Лена решила остановиться. Ей не следует еще больше дразнить его перед началом операции.

— Я верну куртку, когда закончим дела здесь... А на каждой миссии буду одалживать ее. Я только прошу тебя... возвращайся, чтобы у меня была такая возможность.

«Пожалуйста...»

— Будь осторожен.

— Мы... — начал Шин, но осекся. Затем он поправил себя: — Увидимся.

Услышав одно слово, Лена широко распахнула глаза.

«Мы пошли», — так он сказал в их первое прощание, но сейчас решил этого не говорить.

Она расплылась в улыбке.

Может, это и было неуместно, но Шин обратился к ней не как к вышестоящему офицеру, а как к товарищу. Или, возможно... как к человеку, с кем поклялся провести всю жизнь вместе. Одно слово сделало ее счастливой.

— Да. Береги себя!

□

— Прямо по курсу чисто! Яростная армия, инициировать запуск!

На самом деле нет, по выбранному курсу летали стаи поденок. Не говоря уже о том, что никто не стал бы посылать в небо управляемый фердрес. Но истина такова, что настроения для шуток не было ни у кого.

По направляющим запустились стартовые колодки с Регинлейвами. Ощущение резкого ускорения появилось от спуска электромагнитной катапульты. Шин уже испытывал его раньше, когда занимался на симуляторе или во время взлета Нахцерера, но привыкнуть все никак не мог. В мгновение ока они достигли конца направляющих, где с громким ударом отделился замок.

Регинлейв хоть и считался легковесным фердресом, но весил он десять тонн. И вот эта масса со всей набранной силой отправилась в далекое северное небо.

МК. 1 Яростная армия производства Альянса Вальде.

Электромагнитная катапульта, точно воинственная дева*, отправляла фердресы бороздить небеса.

[П/П: в фольклоре Северной Германии Дикую охоту вела женщина]

Механизм, который посылал в воздух Регинлейвов, делая из них воздушно-десантное вооружение, походил на катапульта для Нахцерера или корабельных самолетов.

Сбрасывая оковы гравитации, Регинлейвы набирали высоту. К агрегатам крепилось еще одно воздушное приспособление — движитель, именуемый Мантией Фригг.

Мифическая мантия обращала любого, кто ее наденет, в ястреба. Она позволяла Регинлейвам скрытно летать.

У самих агрегатов нет аэродинамической формы, которая позволила бы сохранять устойчивость и высоту, поэтому мантия как бы обволакивала их и снабжала обтекателем. Два ракетных ускорителя помогали поднять десять тонн в воздух. Как только обтекатель уходил со стартовой колодки, зажигались ускорители, и выпускались стабилизирующие крылья.

Мантия Фригг, получив ускорение, устремлялась в небеса. Ее покрывали серебряные хлопья, каждое размером с птичье перо, — они отражали свет и радиоволны.

Регинлейвы воспарили с пламенными крыльями и серебряным оперением.

□

Глайвиц оторвал взгляд от передовой и посмотрел вверх. Но Джаггернаутов рассмотреть ему не удалось. Они летели на определенной высоте и скорости, так что людям с земли их не усмотреть. Он просто смотрел на пепельные облака, где они должны пролетать, и пробормотал под нос:

— Армия призраков, несущихся через небо, и ведомые военным божеством, богом смерти. Прямо Дикая охота.

Ведущий призрачную армию воинственный бог, вместе с тем, исполнял роль жнеца, что заправлял душами мертвых солдат. Погибшие в бою собирались у ног бога и предлагали свои души, чтобы под его командованием шествовать в славных битвах.

Но что сам воинственный бог думает о своем предназначении?

Тряхнув головой, Глайвиц поднял на ноги Ванарганда, выкрашенного в характерный для полка Мирмиколеон цвет киновари, а не в типичный стальной Союза. Сбоку виднелась персональная метка в виде морской черепахи с телячьей головой. Позывной: Фальшивая черепаха.

— Фальшивая черепаха — всем членам отряда. Мы выдвигаемся.

□

Серебряные хлопья, покрывающие Мантию Фригг и Джаггернаутов, представляли собой крылья поденков. А если точнее, их имитацию. Ударная группа успешно выходила на производственные базы Легиона и захватывала их. Одна из таких баз располагалась в горе Драконий клык, где они взяли Зелен. Как раз за ту операцию им удалось забрать образцы и использовать для создания этой технологии.

Ястребиные перья из металлической фольги искажали, преломляли и поглощали всевозможные виды электромагнитных волн, и свет в том числе. В Альянсе им дали название Плюмаж белого ястреба.

Электромагнитные искажения Мантии позволяли скрыть Регинлейв от Ворона с противовоздушным радаром, летящего высоко над ними, и наземного радара Дикобраза.

Но реактивные двигатели самолетов так или иначе придут в негодность, если в них что-то попадет. В Мантии использовались ракетные ускорители, которым воздухозаборник без надобности, и поэтому они могли пролетать через серебряные облака. Однако замена двигателей ускорителями обошлась бы слишком дорого. Потому самое большее, на что они были способны, — отправить в один конец объект не тяжелее реактивного истребителя.

Шин проверил высотомер: Регинлейвы поднялись на высоту, где температура снаружи столь низкая, что один вдох заморозил бы легкие. Ускорители свое дело сделали, так что в следующий миг отделились от Мантии.

Теперь настал черед для пары крыльев и пропеллеров. Как уже упоминалось, ракетные ускорители обходятся слишком дорого для настоящего полета. Даже в армии Союза их использовали для летательных аппаратов очень и очень редко, и то только для того, чтобы

набрать нужную высоту и собрать достаточно кинетической энергии для дальнейшего парения вниз. Точно также Регинлейвы, подобно армии призраков, начали медленно опускаться.

Искусственные крылья поймали ветер и сменили траекторию полета с подъема на плавное снижение. Шин ощутил, как кровь и органы поползли вверх; это было странное, незнакомое чувство свободного падения. Он напрягся. Люди — существа нелетающие, поэтому пребывание на большой высоте вселяет инстинктивный страх упасть и разбиться.

И теперь они пикировали вниз по диагонали по холодному небу, быстро снижаясь вглубь территории врага.

†

Ворон, парящий над полем боя дальнего запада, получал отчеты от патруля Легиона о вторжении вражеских сил. Среди таких отчетов затесался один от Таузендфесслера, движущегося на передовую с целью снабжения. Но Ворон не запаниковал. Просто решал, какую применять директиву.

<<Обнаружены остатки незарегистрированного в базе летательного аппарата. Предположительно, ракетные ускорители.>>

Тем не менее он не получал отчетов по вторжению врага в соответствующий сектор. Муравьи, следящие за передовой, Дикобразы, наблюдающие за небом в тылу, — от них никаких данных о посторонних. И радар самого Ворона также ничего не засек.

Но судя по температуре обнаруженных ускорителей, прошло не так много времени с их зажигания и падения. Они не могли принадлежать сбиту когда-то давно, но необнаруженному аппарату. А значит, их сбросили по пути.

Воздушный десант с использованием электромагнитного искажения для обмана радара.

Очень похоже на тактику самого Легиона с креплением ракетных ускорителей и планера для парения к Муравьям. Раз тактики похожи, значит...

<<Орел-Пять — плану Фердинанд. Подтверждено вторжение врага.>>

Ворон послал сигнал козырю Легиона, расположенному в тылу передовой.

Враг перемещался по воздуху и заходил глубже на их территории. Их цель лежала явно не на фронте.

<<Предположительно, враг замыслил уничтожить или захватить план Фердинанд. Сохраняйте

бдительность.>>

<<План Фердинанд — Орлу-Пять. Принято.>>

<<Интеграция запущена. Коларе-Синтез, подготовка к активации.>>

<<Мелюзина-Один, подготовка к активации боевого режима.>>

†

— Нас засекли.

Шин сощурился на вой Альциона, сигнализирующий о боевой готовности. Хотя на них не были направлены оптические сенсоры или радары. По-видимому, Легион обнаружил сброшенные ускорители. Плюмаж белого ястреба должен скрыть Регинлейв даже на таком незначительном расстоянии. И вместе с тем впереди замаячила огромная металлическая тень. Они летели над планируемым районом посадки.

Естественно, способность Шина слышать призраков уже давно улавливала слабый плач Альциона.

— ...Если бы я только знал наперед, как оно будет, удержал бы под контролем, — прошептал Шин так тихо, насколько мог, чтобы парарейд не уловил голос. Затем бросил взгляд на Циклоп Шиден.

Снижение продолжалось, и с каждым метром громадный Альцион становился все ближе. Как поденки использовались для создания оптического камуфляжа для Феникса, так и Мантия Фригг отражала лучи видимого света. Синие оптические сенсоры Легиона до сих пор не могли обнаружить Регинлейвов. Фердресы под защитой Мантии сменили курс на высотные здания.

Место посадки находилось в руинах военной базы Святой теократии, построенной в некогда бывшем городе. Здания здесь походили на гигантские надгробия, и они скрыли Могильщика и других Регинлейвов от взора Альциона. Пепельная земля становилась все ближе. Под сигнал высотомера распахнулись крылья для замедления, которые резко сбросили скорость падения.

— Мантия Фригг, сброс.

Голографический экран вспыхнул, крылья и обтекатели свернулись. Тут же Регинлейв сильно встряхнуло. Сильный толчок от приземления поднял в воздух клубы вулканического пепла.

Белоснежные валькирии спустились на поле боя пепла и серебра.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1824313>